

Этот опыт воспитал сегодня характер Яо Цзина.

Кифа сказал, что триста из четырехсот были взволнованы эмоциями, а остальные сотни либо писали с опущенными головами, либо размышляли о природе вопроса. Яо Цзин не был ни в очереди эмоциональных людей, ни в лагере остальных сотен.

Яо Цзин сидела у окна, вспоминая разговор, который она только что вела с Чжи Фа в машине.

В машине Яо Цзин по разговору могла сказать, что Цзи Фа был человеком ученого величия и человеком, который тоже умел шутить. С такими людьми здорово дружить.

Джентльмен встречает своего друга литературой, а его друг дополняет его доброжелательность. Из-за своей яркой личности, Яо не любит, чтобы читать лекции, но это не значит, что она не хочет иметь несколько больше "хороших" друзей, которые могут помочь ей поднять настроение.

Яо Цзин смотрит на людей с точки зрения и проталкивается через точку, чтобы определить общий характер человека.

Яо Цзин более или менее вывела некоторые из его характера через ее обмен с Цзи Фа, по крайней мере, она имеет некоторое понимание его личности. В то же время, Яо Цзин слышал о всяких скандалах в Chinsighty и знал, что Chinsighty сыграл много темных трюков, чтобы добраться до этой позиции.

Как может такая пара "отец-сын" быть такой же замечательной, как та женщина-журналистка?

Несмотря на то, что она знает, что журналистка лжет и клеветает на Цзи Фа, она следует принципу видеть насквозь и не рассказывать.

Теперь, когда она знает, что женщина-репортер - младенец, а Чжи Фа подставлена в рамку, Яо Цзин естественно смотрит на вещи по-другому, чем другие.

Поэтому, когда Цзи Фа прозвучал юмористический вопросительный тон для женщины-репортёрши, гнев остальных не смягчился ни на йоту, а Яо Цзин вынюхал смех.

Из тихого зала внезапно вспыхнул смех, и хозяин смеха, естественно, в одно мгновение стал фокусом зала.

Эта красивая и эмоциональная леди-журналистка, могу я спросить, кто может свидетельствовать, что вы сказали, что видели все это? Как журналист, почему вы не виновны в профессиональном заболевании? Почему нет камер, чтобы задокументировать происходящее?"

Сначала репортер-женщина была ошеломлена, потом гневно сказала: "Что ты за человек? Думаешь, кто-то вроде Чжи Фа все еще хороший человек? Как журналист, ты не можешь им быть.

Помочь доброму человеку, а вместо этого стать орудием помощи нечестивым, не боящимся попасть в ад после смерти?"

Яо Цзин засмеялся и сказал: "Падение в ад"? Ты полон дерьма. Ты тот, кто не осмеливается даже не столкнуться с моими проблемами головой, а только прикрепить большую шляпу на голову, и ты тот инструмент, чтобы помочь злым? Вы говорите, что все записали глазами, но

такие свидетели, как вы, у которых нет никаких доказательств, я могу случайно найти сотни. Что ты можешь сделать, когда говоришь, что ты и твой парень выпендриваетесь на заброшенном пшеничном поле, а эти свидетели, которые у меня есть, греются под солнцем на пшеничном поле?"

Потом Яо Цзин вырвала рот у Чжи Фа и сказала: "Да? Мой друг, я прав? Разве не чудесно?"

Прямота и жизнерадостность Яо Цзин заставили Чжи Фа чувствовать себя хорошо, и она засмеялась: "Это верно, это замечательно".

Увидев, как они поют один за другим, женщина-репортер взбесилась и сказала: "Ребята, вы просто бессвязно разговариваете! Мы с моим парнем устраиваем пикник в глуши, нужно ли нам еще профессионально брать фотоаппарат?"

Голос женщины-репортера был громким, граничащим с истерикой.

Яо Цзин, со слезливым взглядом, сказал Чжи Фа: "Она накричала на меня, мне страшно, что мне делать?"

Яо Цзин поступила обидно, но люди слышали, что она сделала это нарочно, и ее тон был пренебрежительным.

Для Яо Цзина она очень интересная смена характера, но Чжи Фа находит это интересным и хочет завести друга, поэтому она говорит: "Она кричит на тебя, так что я вымещаю это на тебе".

Говоря об этом, Цзи Фа посмотрел на женщину-репортера и гневно сказал: "Мне двадцать три года в этом году, четыре года в школе, три года в детском саду, пять лет в начальной школе, три года в средней школе, три года в средней школе, пять лет на улице и около, не только видел, но и участвовал во многих пикниках и мероприятиях на свежем воздухе". Просто, я никогда раньше не видел, чтобы кто-то собирал пикники на заброшенном пшеничном поле".

Кифа задает очень острый вопрос.

В то же время было слышно, что Кифа сосредоточился на последнем предложении.

Пшеница на заброшенных полях засохла, все мертвые ветви и горит, и ветер может разжечь огонь. Наверное, никто не был бы настолько глуп, чтобы готовить на заброшенном пшеничном поле, если бы не захотел разжечь огромный костер или умереть в нем.

И было так жарко вчера, посреди пылающего солнца, что пара отважилась на жару и выбежала на заброшенное пшеничное поле с костром, зажженным для пикника? Поначалу это звучит не очень. Если подумать, если есть пара.

Это слишком много для глаз.

Репортерша-женщина была безмолвна.

Яо Цзин отдал большие пальцы Чжи Фа.

В комнате было много разговоров.

"Джифа права, кто бы сбежал на заброшенное пшеничное поле в жаркий день на пикник?"

"Не говоря уже о том, что если бы она не пошла с камерой, разве она не пошла бы с телефоном? Телефон может делать снимки".

"Теперь, когда я думаю об этом, кажется, что все ошиблись с Чжи Фа".

"И кому принадлежит эта женщина-репортерша? Может это она та, кого Чикё нанял в качестве доверенного лица?"

По мере того, как дискуссия в комнате становилась все более и более интенсивной, многие люди указывали и указывали, а женщина-журналистка, с блеском в глазах, вдруг встала и толкнула стол перед ней на землю, нарисовав рев возбуждения, а затем бежала из комнаты, как будто летела.

Побег женщины-журналистки - еще одно доказательство невиновности Чжи Фа.

В то же время, людям пришлось переизмерять Нору.

Способность блокировать клевету женщины-журналистки и прояснять себя - это смысл, но у Цзи Фа тоже есть определенное количество мудрости.

Тот факт, что Цзи Фа раскрыла ложь женщины-репортера всего в нескольких словах, действительно примечателен.

Стоя на высокой платформе, Цзи Фа оглянулся вокруг шумной толпы и громко сказал: "Эта женщина-репортерша просто креветочный солдат, который стоит за ней."

Глаза людей упали на Чикё.

Учитывая, что Норифу оклеветала женщина-репортер, самым большим подозреваемым может быть только Чикё.

Чиккио и Норифа еще раз посмотрели друг на друга четыре раза.

В глазах Чи Гён появилась искра, но он всё ещё улыбался, как весенний ветерок.

Ки-хае улыбнулась в ответ.

Увидев, что Цзи Фа смеялся, Цянь Цзин вдруг засмеялся: "Ты же не думаешь, что если просто сказать ложь в трех словах, то все кончено, правда? Очень хорошее шоу еще впереди".

Услышав слова, тело Чжи Фа затянулось.

Он давно догадался, что средства Чи Гюна не будут такими скучными, а под ними должна быть тяжелая драма. Улыбка на лице Чжи Фа слегка потускнела, когда он услышал, что Чи Гён признал, что это был другой инцидент.

В этот момент репортер, сидящий у южной стены, вдруг встал.

В такой ситуации этому репортеру не нужно было говорить, он просто встал и уже был в центре внимания в комнате.

(конец главы)

<http://tl.rulate.ru/book/40231/873246>